

АННА ВАЛЕРЬЕВНА ДЕХТЯРЕНOK

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
gebal3@mail.ru

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Рассматривается вопрос о рецепции библейского текста в поэтическом творчестве Д. С. Мережковского 1880–1890-х годов. Анализируются произведения двух первых сборников поэта: «Стихотворения (1883–1887)» и «Символы». Внимательное изучение стихотворений этого периода приводит к выводу о том, что поэзия Мережковского на данном этапе отражает эволюцию его интересов и мировоззрения – от увлечения гражданскими темами к повороту в сторону христианства. В соответствии с этой тенденцией смещаются и акценты в прочтении библейских текстов. В первой книге стихов преобладает ориентация на образность и пророческую стилистику Ветхого Завета. Рассматривается мотив безмолвия, заимствованный из Книги пророка Исаии. Отмечаются разные интерпретации этого мотива, от знака присутствия Бога до знамения скорого конца мира. Тема божественного возмездия, образы ветхозаветных пророков соотнесены с темой «потерянного поколения» рубежа XX столетия. В стихотворениях второго сборника присутствуют евангельские реминисценции, а также элементы притчевой, молитвенной и житийной формы. Рассматривается обращение поэта к жанру христианской легенды. Легенды Мережковского представляют собой философское осмысление евангельских заповедей в соотнесении с реалиями современной жизни. В разных по жанру и тематике стихотворениях представлена не только художественная обработка ветхозаветных и христианских мотивов и образов, но и своя интерпретация, оригинальное переложение традиционных тем.

Ключевые слова: поэзия Д. С. Мережковского, русский символизм, рецепция библейского текста, евангельские образы и мотивы

Поэтическое наследие Мережковского отразило общие тенденции духовных исканий рубежа веков: путь от увлечения народничеством и гражданскими темами 80-х к возврату к религиозным традициям и непреходящим ценностям культуры. Как отметил М. Л. Гаспаров, Священное Писание становится классическим источником символов для поэтов Серебряного века русской культуры [1: 7]. Одна из интересных сторон поэзии Мережковского – интерпретация им библейских мотивов. Многочисленные реминисценции из Священного Писания, сказания о пророках и святых как вечные образцы жизненного драматизма, а также сама библейская риторика, серьезная и прямодушная, – все это не только увлекало Мережковского с точки зрения художественной, но и было для него сокровенно личным иозвучным его собственным взглядами. Имея за плечами весьма основательное историко-филологическое образование, Мережковский прекрасно знал текст Священного Писания, и об этом знании свидетельствует частое обращение к нему.

Библейские мотивы и образы присутствуют уже в ранней поэзии, при этом нельзя не заметить, что источником вдохновения для поэта в этот период является прежде всего Ветхий Завет. Эпиграф из Книги пророка Исаии («И отдашь голодному душу свою...») открывает

первый поэтический сборник Мережковского «Стихотворения» (1883–1887). Одна из ведущих тем сборника – противопоставление шумной суеты человеческой жизни и мистического молчания природы – отсылает к библейской истории о пророке Илии, которому Бог явился не при вихре, не при землетрясении или в огне, а в таинственной тишине, в «всейнии тихого ветра» (1 Цар. 19: 11–13). Эта таинственная тишина является для поэта символом духовной чуткости, позволяющей обрести Божье откровение. «Музыка безмолвия» звучит в стихотворении 1885 года «В Альпах»:

И не доносится ко мне
В глубокой тишине
Ни шороха, ни голоса земного:
Как будто нет людей, и я совсем один,
Один – лицом к лицу с безвестными мирами (147)¹.

К образу гармоничной, тихой и ясной природы поэт обращается в стихотворении «Молитва природы» (1883):

Когда стихает пыл и гром житейской битвы,
Слезами падает обильная роса,
Когда сливаются ночные голоса
В одну гармонию торжественной молитвы
И тихой жалобой стремятся в небеса (155).

Этот мотив напоминает цитату из Псалма «Да восхвалят Его небеса и земля, моря и все,

движущееся в них» (Пс. 68: 35), а также известные слова Давида «Все дышущее да хвалит Господа» (Пс. 150: 6). Помимо явной ориентации на библейский контекст, в лирике Мережковского чувствуется сильное влияние образности Ф. И. Тютчева, на что справедливо указывает в своей работе К. А. Кумпан [4: 34].

В стихотворении «Предчувствие» (1884) Мережковский пишет о смене поколений и цивилизаций, противопоставляя недолгий век человека вечности универсума. Природа здесь для поэта является воплощением победы над смертью, символом вечного возвращения, вечной жизни:

Я знаю: грозный час великого крушенья
Сметет развалину веков –
Уродливую жизнь больного поколенья
С ее расшатанных основ, –
И новая земля, и новые народы
Тогда увидят пред собой
Нетронутый никем, – один лишь мир природы
С его немеркнущей красой (200).

В этом стихотворении описание природы дается в апокалиптическом духе. Природа здесь – это «величественный зал для пира, для пира будущих людей». Она – вечно юное божество, неумирающая весна, величественные чертоги «для празднества любви, добра и мира». А «корткая тишина» природы – это ожидание «радостного пира» (200).

Главным источником страданий поэта все же является так называемая «болезнь культуры» – явление, характерное в условиях идеологического хаоса и кризиса традиций на рубеже веков. Она выражалась в стремлении к простоте, вере и в бессилии достичь этой простоты и веры, в бессилии желать и любить. «Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить»², – напишет Мережковский позднее, в 90-е, почувствовав самое важное противоречие своей эпохи. В поэзии этого периода возникнет образ «потерянного поколения» – людей, утративших Бога, и в силу этого пребывающих в «подземелье жизни»:

Теперь мы больше не зовем,
Перед дверями заповедными,
Блуждая призраками бледными,
Мы не стучимся и не ждем (617).

Первые ростки этих будущих мучительных раздумий присутствуют уже в ранней лирике Мережковского. Это попытки понять сущность трагедии современной жизни, где все, что имеет высокий смысл и составляет ее ценность, оказывается пустотой и удушающей скучкой.

Одним мучительным вопросом: для чего?
Вселенная полна, как роковым сознанием
Глубокой пустоты, бесцельности всего,
И кажется, мы с ней больны одним страданьем (130)
«Когда безмолвные светила над землей...», 1886).

Трагедия бездуховного мира в некоторых стихах молодого поэта обретает апокалиптическое звучание. Размышляя о современности, Мережковский пишет о том, что люди утратили веру, а существование без Бога уподобляется жизни в диком дремучем лесу. Эпиграфом к стихотворению «Развалины» (1884) становится цитата из Книги пророка Исаии («В тот день укрепленные города будут, как развалины в лесах... и будет пусто» (Ис. 17: 9)). Стихотворение построено как описание страшного видения, оно звучит как пророчество.

То был зловещий сон: по дебрям и лесам,
Казалось, я блуждал, не находя дороги;
Ползли над головой, нахмурены и строги,
Гряды свинцовых туч по бледным небесам... (137)

Лирическому герою снится сон, в котором он видит на месте пышной и бурлящей многолюдной столицы – Петербурга – лесные дебри. «И нелюдимый бор, как сумрачное море, Таинственно гудел в пустыне вековой...» (138). Картина дремучего леса, в котором заблудился лирический герой, напоминает начало Дантовой поэмы. Автор «Божественной комедии», создавший величественную картину глубин Ада, поведал миру о неизбежном наказании за грехи. Мережковский заимствует высокий слог, архаичную патетику в своем описании гибели цивилизации:

И ветер завывал, гуляя на просторе,
И ворон, каркая, кружился надо мной;
И нелюдимый бор, как сумрачное море,
Таинственно гудел в пустыне вековой... (138)

Во мраке пропадают очертания темных громад «низверженных бойниц», «канфилад разрушенных дворцов», «столбов гранитной колоннады» – все безжизненно, все – «мертвый прах покинутых развалин». Как грозный приговор звучит шум нескончаемого леса: «Тебя я победил, отверженное племя! Довольно вам грозить железом и огнем, Бессильные рабы! Мое настало время...» (138). В ужасе герой устремляется прочь и, наконец, просыпается. Пророческий сон заставил его ценить свои серые будни. Его жизнь, кажущаяся ранее унылой и скучной, приобретает новый смысл.

Тема Божьего суда в первом сборнике поэта представлена прежде всего в стихотворениях с гражданской тематикой, где Мережковский проповедует идеи социальной справедливости и всеобщего равенства перед Богом. В стихотворении «Пророк Иеремия» (1887) перед нами встает трагическая фигура непонятого народом провозвестника истины:

Устал я проклинать насилие и порок;
И что им истина, и что для них пророк!
От сна не пробудить царей и сильных мира... (137)

Мотив одиночества и людского непонимания очень близок Мережковскому и часто встречается в его поэзии. Жизнь пророка Иеремии

осмысливается как подвиг, достойный подражания, как образец самопожертвования, твердой воли и верности Богу. Служение его уподобляется судьбе поэта, страдающего за народ.

Ветхозаветный мотив божественного возмездия представлен и в стихотворном переложении библейской легенды «Пророк Исаия» (1887), которое войдет уже во вторую книгу стихов под названием «Символы». Господь сообщает пророку о том, что он покарает неправедных властителей («...вы все передо мной рассеетесь как прах. Что для Меня ваш скиптир надменный!»). Возмездие за страдания народа постигнет всех, не спасется никто:

И ни корона, ни порфира –
Ничто от казни не спасет,
Когда тяжелая секира
На корень дерева падет (333).

В этом стихотворении перекликаются ветхозаветные мотивы и явные отсылки к новозаветным текстам, например к Евангелию от Матфея, где сказано: «Уже и секира при корне дерева лежит» (Мф. 3: 10). Далее мотив Божьего гнева усиливают метафоры, заимствованные из Откровения – «И поверг ангел серп свой на землю и обрезал виноград на земле и бросил в великое точило гнева Божия» (Откр. 14: 19). Читаем у Мережковского: «О, скоро я войду, войду в мое точило, чтоб гроздья спелые ногами растоптать, И в ярости князей и сильных попирать» (333). Символом утешения и любви к людям в стихотворении является библейский образ скинии. Обращаясь к народу, Господь утешает его: «Я вас от огненных лучей Покрою скинией Моей» (333). В интерпретации Мережковского божья скиния – это, конечно же, душа человека: «Мое святилище – не в дальних небесах, А здесь, в душе твоей, скорбями удрученной» (333).

Итак, первый сборник стихотворений Мережковского демонстрирует тот факт, что Библия для поэта является не только источником образов и метафор, но и формой выражения мысли. Весь спектр волнующих поэта вопросов – от проблем современности до вопросов о смысле жизни – получает философское осмысление путем обращения к Библии, и прежде всего к ветхозаветным текстам. Изучая эту тенденцию русской поэзии Серебряного века, В. Д. Серафимова отмечает, что библейская образность является не только «интегратором текста, сколько способом связи времен» [6: 16]. Последующее творчество знаменует собой поворот к христианству и соответственно к текстам Нового Завета.

Вторую книгу стихов Мережковского «Символы» (1892) В. Брюсов назвал «книгой предчувствий». Очень показательно то, что эпиграфом книги является цитата из Деяний апостолов, кроме того, сборник открывается стихотворением «Бог» (1890):

Я Бога жаждал – и не знал;
Еще не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал, –
Я сердцем чувствовал Тебя (213).

Весь ценностный мир Мережковского организован вокруг библейской символики с ее антитезами добра и зла. Сборник «Символы» интересен тем, что здесь поэт обращается к жанру христианской легенды. Это «Монах» (1889), «Франциск Ассизский» (1890) – написанная в традициях житийного жанра, «Пастырь Добрый» (1892). Кроме того, в книгу включена мистерия «Христос, ангелы и душа» (1890), в которой аллегорически передаются страдания бессмертной души человека, изгнанной из рая.

Легенды «Монах» и «Пастырь Добрый» представляют собой философское осмысление основополагающих идей Евангелия. Герой первой, молодой монах, размышляет над фразой апостола Павла «Как день перед Господом – тысячи лет», пытаясь понять ее смысл. Вдруг слышит он чудное пение неведомой птицы и, забыв обо всем, наслаждается пением. Так проходит триста лет.

Увы, три столетья... о, птичка, певунья лесная!
Казалось – на миг, на один только миг
Забылся я, песне твоей сладкозвучной внимая –
Века пролетели минутой! (352)

Господь даровал монаху озарение: стариk понял, что жизнь человека подобна мгновению сладкозвучной песни перед вечностью божественного бытия. Однако понимание это пришло к нему только перед смертью.

Вторая легенда посвящена главной христианской добродетели – милосердию. В ней рассказывается история о Пастыре, который приводит грешника к раскаянию и обращению к праведной жизни:

О сын мой милый, верь: меня Спаситель
Послал тебе прощенье даровать.
Я пострадаю за тебя: на мне
Да будет кровь, пролитая тобою... (662)

В поэмах «Протопоп Аввакум», «Франциск Ассизский», где поэт продолжает активно осваивать элементы житийного жанра, дается образец христианского отношения к жизни и смерти. Стихотворное переложение «Жития», «Протопоп Аввакум» – это первая поэма Мережковского, опубликованная еще в 1887 году. В соответствии с замыслом автора, в образе главного идеолога раскольников преобладают черты жертвенности и смирения: Мережковский не считает необходимым следовать фактам оригинала. Пафос борьбы, огромная воля и энергетика личности Аввакума сведены им на нет, уступая место все-побеждающей христианской любви. Смерть старообрядческого подвижника исполнена великого смысла, она светла и радостна, это избавление от земных страданий и обретение покоя в Царствии небесном.

Вы простите, не сердитесь, – все мы братья
о Христе:
И за всех нас, злых и добрых, умирал Он на
кресте (175).

Благословляя людей перед смертью, Аввакум проповедует любовь как высшую заповедь: «Все в любви – закон и вера... Выше заповеди нет» (175). Сокращенная версия поэмы получила распространение в среде старообрядцев и даже вошла в сборники духовных песен.

Те же самые темы разрабатываются в поэме из второго сборника стихов – о святом Франциске («Да хвалит Господа и Смерть моя родная»). Цель поэта – показать, как вера преображает жизнь и смерть, приблизить мировоззрение современного человека, со сложной душой, сомнениями, с «разорванным сознанием», к чистоте помыслов святых и проповедников.

Теме поиска веры посвящены многие лирические стихотворения Мережковского. Рассуждая о сознательной вере в Бога, о трудности ее обретения, Мережковский пишет о детях. Детская вера самая глубокая, она основана на внутреннем знании, она проста, искренна и нерассудочна: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3). Детское ощущение радости жизни передается в стихотворении «Утренний гимн» (1892):

В сердце – умиление,
Веры детской жар.
Каждое мгновение –
Новый Божий дар (600).

Теме гармонии и простоты детской веры посвящен целый ряд стихотворений 1893 года: «Не надо желаний», «Дети», «Бумажные цветы».

Стихотворение «De profundis» (1892) с эпиграфом из Евангелия от Марка представляет собой молитву об обретении веры. По форме это двухчастное молитвенное стихотворение, в котором лирический герой проходит искушение свободой. В первой части раскрывается картина душевного опустошения человека, страдающего от безверия.

Ни мук, ни наслаждений нет.
Обман – свобода и любовь, и жалость.
В душе – бесцельной жизни след –
Одна тяжелая усталость (489).

Эта свобода превращает жизнь в преисподнюю, вторая часть стихотворения – это молитва Богу о спасении, об обретении веры и любви.

Очисти душу ты страданьем –
И разум темный просвети
Ты немерцающим сияньем (489).

Тема мучительных сомнений, противоречий между разумом и верой представлена в стихотворении «Неразрешимые вопросы» (1892):

Если знанье – лишь обман,
Если грех – пытать и мерить,
Если надо только верить,
То зачем мне разум дан? (598)

Тематика этих стихотворений соотносится со словами Экклезиаста о тщетности человеческого любомудрия на пути к истине. Все это «затеи ветряные, ибо при многой мудрости много раздражительности, и кто умножает познания, умножает огорчения» (Эккл. 1: 17, 18).

Новозаветные образы и мотивы легли в основу целого ряда молитвенных стихотворений, таких как «Царство Божие» (1882) (где рефреном звучат слова «да придет Царствие Твое»), молитва «Stabat Mater» (1899). В «Молитве язычника» (1892) страдания лирического героя, взывающего к Богу, уподобляются страданиям Христа:

Смотри, я падаю, я верю и страдаю,
Под тяжестью креста, весь в тернях и крови,
Молю и требую, и плачу, изываю:
Не справедлиости, о нет, любви, любви!.. (599)

Различные модификации молитвенного жанра в лирике Мережковского исследуются в работе Ю. Г. Иншаковой [3], посвященной поэзии Серебряного века. Рассматривая творчество поэта в рамках христианской литургической традиции, исследователь приходит к выводу, что во многих стихотворениях Мережковского происходит развитие жанровой структуры благодаря переосмыслинию идей, заложенных в молитве. На это же обращает внимание в своем монографическом исследовании И. В. Гречаник, которая отмечает особое «религиозное чувствование мира» [2: 42], обилие сюжетов из Библии и обращений к Богу в лирике поэта. При этом, как показывает анализ стихотворений, Богом Мережковского часто становится то Фатум, то природа, то сам лирический герой.

Переоценить роль библейского пласта в поэзии Мережковского невозможно. Обращаясь к тексту Библии, поэт ориентируется на определенный пророческий стиль, на жанровую форму (легенды, псалмы, молитвы), на определенный ряд образов и мотивов. Преломляя на свой лад библейские мотивы и сказания, поэт переосмысливает их, но неизменным остается их глубинный смысл. В разных по жанру и тематике стихотворениях представлена не только художественная обработка ветхозаветных и христианских мотивов и образов, но и своя интерпретация, оригинальное переложение традиционных тем. Словами Р. Мниха, «в этой способности библейских символов передать локальные и индивидуальные смыслы сказывается одно из основных свойств символизма Священного Писания» [5: 220]. В эстетическом мире Библии общее и единичное слиты воедино: в этом многообразии прочтений отражены поэтическое «Я» Дмитрия Мережковского, его мировоззрение и духовное развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитаты из стихотворений Мережковского приводятся по изданию: Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. 928 с. (в круглых скобках указаны страницы).

² Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 24 т. Т. 18. М., 1914. С. 212.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаспаров М. Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993. С. 5–44.
- Гречаник И. В. Религиозно-философские мотивы русской лирики рубежа XIX–XX столетий. М., 2003. 170 с.
- Иншакова Ю. Г. Литургические жанры в поэзии серебряного века // Жанрологический сборник. Вып. 1. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. С. 89–94.
- Кумпан К. А. Д. С. Мережковский – поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 5–116.
- Мих Р. Категория символа и библейская символика в поэзии XX века. Lublin, 2002. 258 с.
- Серафимова В. Д. Библейские мотивы и образы в творчестве М. Волошина, А. Платонова, Б. Пильняка // Русская речь. 2006. № 3. С. 14–21.

Dekhtyarenok A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**REMINISCENCE AND INTERPRETATION OF BIBLICAL MOTIFS IN THE POETRY
OF D. S. MEREZHKOVSKY**

The article considers the issues of biblical texts reception in the poetry of D. S. Merezhkovsky of 1880–1890's. It analyzes the works included in the first two collections of poems: "Poems (1883–1887)" and "Symbols". Attentive study of the poems leads to the conclusion that Merezhkovsky's poetry at this stage reflects the evolution of his interests and outlook: from enthusiasm towards civil subjects to the turn towards Christianity. The accents in biblical texts interpretation change in accordance with this trend. Orientation on Old Testament imagery and prophetic style predominate in the first book of poems. The article considers the silence motif, which is adopted from Book of prophet Isaiah. Different interpretations of this motif can be revealed: from the sign of God's presence to the sign of imminent end of the world. The theme of divine retribution, images of the Old Testament prophets are related to the theme of the "lost generation" of the XIX–XX centuries turn. The second collection of poems contains evangelical reminiscences and elements of parable, a prayer and hagiographic forms. The poet's appeal to the genre of Christian legend is examined in the article. Merezhkovsky's legends reflect philosophical comprehension of Gospel commandments in correlation with the realities of modern life. Different genres and themes represent not only literary treatment of Old Testament, Christian motifs and images, but author's interpretation and original arrangement of traditional themes.

Key words: The works of D. S. Merezhkovsky, poetry of russian symbolists, reception of biblical text, evangelical images and motifs

REFERENCES

- Гаспаров М. Л. Поэтика «Серебряного века» [Poetika «serebryanogo veka»]. *Russkaya poeziya «serebryanogo veka», 1890–1917: Antologiya*. Moscow, Nauka Publ., 1993. P. 5–44.
- Гречаник И. В. *Religiozno-filosofskie motivy russkoy liriki rubezha XIX–XX stoletiy* [Religious-philosophical motifs of Russian lyrics at the turn of the XIX–XX century]. Moscow, 2003. 170 p.
- Иншакова Ю. Г. Литургические жанры в поэзии Серебряного века [Liturgicheskie zhanyry v poezii serebryanogo veka]. *Zhanrologicheskiy sbornik*. Ed. 1. Yelets, 2004. P. 89–94.
- Кумпан К. А. Д. С. Мережковский – поэт (у истоков «нового религиозного сознания») [D. S. Merezhkovskiy – poet (u istokov "novogo religioznogo soznaniya")]. *Merezhkovskiy D. S. Stikhotvoreniya i poemy*. St. Petersburg, 2000. P. 5–116.
- Мих Р. Категория символа и библейская символика в поэзии XX века [Category of symbol and biblical symbolism in the poetry of XX century]. Lublin, 2002. 258 p.
- Серафимова В. Д. Библейские мотивы и образы в творчестве М. Волошина, А. Платонова, Б. Пильняка [Bibleyskiye motivy i obrazы v tvorchestve M. Voloshina, A. Platonova, B. Pil'nyaka]. *Russkaya rech'*. 2006. № 3. P. 14–21.

Поступила в редакцию 01.06.2016